

ЭДУАРД ВЕРКИН

Снарк Снарк
Чагинск

Москва

> МАГИСТРАЛЪ >

ЭДУАРД ВЕРКИН

Снарк Снарк
Чагинск

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В32

Иллюстрация на обложке *Н. Портяной*

Веркин, Эдуард Николаевич.

В32   **Снарк Снарк. Чагинск / Эдуард Веркин. — Москва :**
Эксмо, 2025. — 800 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-216169-8

Когда в лесу близ уездного городка Чагинска без вести пропадают двое тринадцатилетних мальчишек, местные власти списывают все на несчастный случай. Но на самом деле произошла трагедия, и у нее был случайный свидетель. Тот, кто даже спустя годы не может забыть произошедшее. Смелое расследование приближает его к истине, но какую цену он заплатит за нее?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Веркин Э., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2025

ISBN 978-5-04-216169-8

Каменцевой Марии Алексеевне

*Семнадцатого мая
две тысячи девятого года
президент США Барак Обама
убил муху*

Глава 1

НЕЗРИМЫЙ ЕНК

— Мой дед вырезал «Калевалу» на рисовом зерне, — похвастался Хазин.

Второй роман так и не взлетел.

Когда восемь попыток первой главы были убраны в правый нижний угол рабочего стола в многозначительном сантиметре от корзины, я понял, что это от настоящего. Настоящее время должно смотреться в «Пчелином хлебе» — особенно в экспозиции и в финале, оно изящно подламывало четвертую стену, сообщало тексту обязательную русскую глубину и напряженную европейскую округлость, шептало на ухо читателю, свойски подмигивало критику, рисовало между строками пространство и воздух, легкость; с зомби такие штуки не прокатывали.

Зомби категорически не желали действовать в настоящем, предпочитали прошедшее, иногда вынужденно смиряясь с будущим. Софья Романовна Спаская, ее бестолковая дочь Нюта, незадачливый, но уютный Нютин жених Савва с наивной признательностью впитывают ладонями тепло нагретых древним солнцем римских улиц, рассуждают об урожае девяносто шестого, ощущают на языке терпкие иглы бароло и одновременно упоительное сиротство в душе, они покорны умелой руке композитора; зомби же благодарны гораздо менее. Собственно, зомби вообще исключительно неблагодарны.

Чагинск, двенадцать тысяч жителей.

— Мой дед вырезал «Калевалу» на рисовом зерне, — повторил Хазин.

Пожалуй, врет, подумал я. Непременно врет. Рисовое зерно слишком мало, а «Калевала» все же объемная. На желуде, вероятно, можно.

— Почему именно «Калевалу»? — спросил я.

— Я же финн, — ответил Хазин.

У Чагинска нет даты основания. Краеведы, ссылаясь на раскопки стоянки «Ингирь-2», однозначно сходятся на уверенном домонголе, хотя в письменных источниках о поселении никакого упоминания найти не удалось, в годы же подъема Княжьего Погоста и Галича Мерьского удел сей был дик, безначален и пуст.

На картах Шуберта отмечено урочище Чаги, это первая половина девятнадцатого века. Тогда здесь располагались пост лесничего, будка смотрителя переправы, ямы дегтеваров и углежогов.

— Он начал работать на просянном зерне, но в процессе ослеп, — сказал Хазин. — Поэтому на рисовом. Оно хранится в музее Сольвычегодска, там отличный зал миниатюристики.

Врет, окончательно убедился я. Хазин неплохо врет, однако в музее Сольвычегодска нет отдела миниатюристики, я знаю.

На атласе Ильина обозначено уже село Чагино, а в записках путешественника Ухтомского, датируемых царствованием Александра Третьего, упоминаются церковь в этом селе, водонапорная башня при вокзале, грузовой двор и концессионная лесопилка.

В тысяча девятьсот восемнадцатом, когда Ярославль, Рыбинск и некоторые ходы Северных железных дорог оказались в очаге антибольшевистского мятежа, в Чагинске формировалась рота революционных путейцев и заседал Исполнительный комитет, в честь него впоследствии назвали новый постоянный мост через Ингирь, а в честь командира революционных железнодорожников Павла Любимова — улицу.

— Жарко, — заметил я.

В годы войны в Чагинске работал крупный оборонный завод и размещался лагерь военнопленных.

Хазин проверил пальцами подмышки, под правую сунул половинку газеты, прижал.

— Юморист Сергей Остапенко во время гастролей в Ростове поссорился с организаторами и в знак протеста справил большую нужду в раковину гостиницы, — прочитал Хазин из второй половины газеты.

— Неплохо, — согласился я.

Статус города присвоен в тысяча девятьсот пятьдесят третьем в связи с увеличением населения и в ознаменование военных заслуг.

— В Саранске местные сатанисты собирались инфильтроваться в областное Управление внутренних дел, — сообщил Хазин.

— Зачем? — не понял я.

— Не написано... Лично я склоняюсь...

Хазин задумался, достал из-под мышки газету, брезгливо скомкал, чуть подергивая носом.

— Думаю, это идиотократия. Я, кстати, знал одну сатанистку.

В семьдесят шестом Чагинск стал третьим по численности городом области.

Хватило страницы блокнота: на первое время информации достаточно, даже больше, чем требуется, я подчеркнул революционных путейцев и мост им. РИКа, обвел змейкой сторожку дегтеваров.

— В сущности, все идиоты, — сказал Хазин, отбросив газету на обочину. — Это факт, с которым не поспоришь, иначе нельзя. Тут действительно была избушка углежогов?

— Дегтеваров, — поправил я. — Или дегтярей. Углежоги южнее, здесь дегтяри, здесь береза. Деготь делают из березы. Ты вообще знаешь, что такое деготь, Хазин?

— Деготь помогает... — Хазин понюхал пальцы. — Вроде бы от наружных болезней... А чага от внутренних... Тебе не кажется, что у дотторе Крыкофф кожные болезни? Он чешется все время, оглядывается, отряхивается как...

Хазин сбился, я не удержался и, секунду подумав, добавил:

— Как енот. Енот из контактного зоопарка имени Карла Линнея.

Хазин принял подачу:

— Утконос из бесконтактного зоопарка имени Карла Густава Юнга.

В принципе, неплохо, но не стоит усугублять, жарко, не надо форсировать, лучше попридержаться, и добавил:

— Шелудивых в Валгаллу не имут.

— Да, Крыкову помог бы деготь, — не услышал Хазин.

Он открыл кофр, задумчиво разглядывал и перебирал тяжелые объективы.

— Но местные дегтевары уже давно не те. — Хазин примерил на байонет широкий угол. — Я обошел центральные магазины — и нигде нет ни дегтя, ни вазелина, ни тувель с квадратными каблуками. Ты уверен?

— Да, думаю, здесь все-таки был центр дегтеварения, — сказал я. — Чагинский деготь славился в России и за ее пределами. Его экспортировали во Францию, сорок тысяч ведер ежегодно. Он получил вторую золотую медаль на Парижской выставке в номинации «Лучший креозот, олифа и деготь»...

— Погоди, запишу, — перебил Хазин, старомодно подышал на карандаш. — Лучший деготь в центральных губерниях производился именно в Чагинске... Ручку надо купить...

— Кто, кстати, изобрел деготь?

— В каком смысле? — теперь Хазин перебирал светофильтры.

Смотрел через них на меня: синий, желтый, антиблик.

— Ну кто конкретно принес его людям? — уточнил Хазин. — Прометей — огонь, Фарадей — электричество, а Бенардос — электросварку, братья Люмьер — кинематограф, а деготь? Кто придумал деготь?

С Бенардосом в прошлом году было легче, богатой судьбы человек.

Хазин сложил губы хоботком — чтобы получился сухой выдох, — сдул с холодного синего фильтра пылинку.

— Думаю, у дегтя безымянный изобретатель, — сказал он. — Джон До. Кузьма Кузьбожев. Безымянный изобрета-

тель, но... Чагинский деготь отличался повышенными эксплуатационными качествами. А?

— Возможно, — согласился я.

— Несомненно... Слушай, а возможно, чтобы деготь избрал наш Чичагин?

— Вряд ли, — сказал я. — Он все-таки адмирал. Ученый, культуртрегер, а деготь — это народная сила... Хотя...

Ломоносов умел и в рифму, и в закон Ломоносова—Лавауэзе.

— Он мог его популяризировать, — сказал я. — Он же адмирал был. Наверняка этим дегтем пропитывались борта фрегатов, одержавших ту самую победу над шведами... или лучше над турками?

— ...Адмирал Чичагин — владыка дегтя... — записал в блокнот Хазин.

— Вычеркни, — посоветовал я. — Повелитель дегтя — это смешно, Хазин.

— Какая разница? Эти книги все равно никто не читает. Главное, чтоб под обложкой была фотография Механошина. А адмирал Чичагин, деготь, ерши... Всем на это плевать.

Хазин прав, плевать. И добровольно никто не читает. Дарят библиотекам и почетным гостям вместе с магнитком, ежедневником и кружкой. А почетные гости забывают в автобусах, в аэропортах и на вокзалах. Такова незавидная участь локфика.

— Витя, в прошлый раз ты написал, что основателем Княж-Погоста был внебрачный сын Андрея Боголюбского, — сказал Хазин. — Никто и не заметил.

— Ну, теоретически...

Я попытался вспомнить историю, но вспомнил только то, что у Андрея Боголюбского имелись проблемы с позвоночником, что он отличался неукротимостью в мечевом бою, что, судя по его архитектурам, тяготел к прекрасному. Росту же был ниже среднего.

— Все-таки лишнего лучше не городить, — заметил я. — Здесь не тот случай.

Незавидная, но великая участь.

Хазин отмахнулся.

— Случай всегда тот, — сказал он. — Всегда. Вить, чего ты дергаешься-то? Материал кое-какой есть, городок вроде симпатичный — считай, полдела сделано.

Полдела да. Текст, правда, не идет, но это в локфике случается.

— Или это... — Хазин ухмыльнулся. — Старые раны болять? Дым отечества?

— Не болять, — ответил я. — И не дым. Поехали лучше.

Хазин повесил камеру на бок, завел двигатель, «шестерка», скрипя, двинулась по Типографской.

— Надо работать по обычной схеме, — рассуждал Хазин. — От славного прошлого к славному будущему. От дегтя к предприятию «Музлесдревк», от старой водокачки к новой водокачке. И не забываем ершей!

Хазин указал на плакат с гербом, украшающий стену типографии. Ерш на плакате выглядел весьма себе рококо. А Хазин пребывал в хорошем настроении.

— Мне кажется, что роль ерша у нас недооценена, — рассуждал он. — Собственно, вспоминается «Сказ о Ерше Ершовиче», ну и еще что-то там... А зря. С ершом можно в принципе работать. Хотя наш народ, конечно, больше любит мышь.

— Наш народ любит мышь? — удивился я.

— В широком смысле да. — Хазин притормозил, сделал несколько снимков холодным фильтром: гостиница, сбербанк, «Хозтовары», «Парикмахерская». — В том же противостоянии мыши и kota народ отождествляет себя, безусловно, с мышью. Мышь — это маленький человек, Акакий Акакиевич. Кот же — стихия насилия, власть, империум, погром. И народ едет в тот же Мышкин и с вызовом покупает красную глиняную свистульку, потому что народ — стихийный бунтовщик. Читай Пушкина, там про заячий тулуп и мосье Швабрина.

Уолт Дисней, подумал я. Швабрин, кажется, сволочь, после обеда Хазин, случается, утомителен.

— Тогда покровитель Мышкина — Уолт Дисней? — спросил я.

Хазин задумался, проверил вспышку, двинулся дальше.

— Надо, кстати, подкинуть им идею, — рассуждал Хазин, руля. — Пусть мышкинская мэрия бьет челом в «Маус Хаус», как там... «не растекаясь мышью по древу, вычерпнет Дон своими шеломами...».

Я с сомнением хмыкнул.

— Только не говори, что по древу можно растекаться мыслью, — сказал Хазин.

— Но и мышью тоже растекаться нельзя, — возразил я.

— Мышью как раз можно. Знаешь, есть такие лесные древесные мыши, мелкие, но чрезвычайно шустрые, меня такая в детстве укусила... Мышь, короче. Слушай, я понял! В русской культуре нет сказок про мышей!

— И что?

Заныли зубы и голова. Хазин не унимался.

— И вот почему. Мышь — безусловный носитель протестантской парадигмы, — вывел Хазин. — Несколько отстраненный элемент, чуждый. Мышь крадетя вдоль стен и крадет зерно, мышь распространяет инфекции, мышь грызет проводку бомбардировщика «Максим Горький», мышь — безусловное зло. Но нам почему-то многие годы внедряли ее позитивный образ...

— Хазин, — попросил я. — Ты противоречишь сам себе. Нет, он не унимался:

— Ерш напротив — явный государственный, он выступает прямо и гордо, с открытым забралом! Я думаю, нам надо это подчеркнуть!

— Не надо, Хазин, — попросил я. — Не надо.

— Почему?!

— Ты же не знаешь, кто на самом деле книгу заказывал, да? А может, ее протестанты заказывали?

— Это Механошин-то протестант?! Ты его рожу видел?

Хазин наблюдателен.

— Механошин, может, и не протестант. Но вряд ли книгу заказывал именно он.

— Думаешь, Светлов? — тут же зацепился Хазин.

Я промолчал. Теоретически мог и Светлов.

— Ладно, — согласился Хазин. — Но я бы на твоём месте об этом подумал...

— А как быть с чагой? — спросил я.

— Чага — второй камень, на котором зиждется здание чагинской истории. Здешняя чага — самая лучшая. Чага от чего, кстати?

— От всего, — сказал я.

— Я так и знал.

Хазин попилил ногтем зуб и добавил:

— Тут у них День города скоро.

— И что?

— Может, я свалю, а? Домой смотаюсь на денек. Сам знаешь, я эти карнавалы не очень...

— Надо будет поснимать, — возразил я. — Для книги может пригодиться.

— Поснимай сам, Вить, это не сложно, знай дави на кнопку!

— Не, я один отдуваться не собираюсь.

Хазин принял к обочине и затормозил, скептически сфотографировал нарисованную женщину в окне «Парикмахерской».

— Твой дед вырезал «Калевалу» на рисовом зерне, а ты соскочить хочешь?

— Буквально на три дня! Витя! Устал, честно! Носимся как бобики же...

Я с Хазиным был отчасти согласен, проект разворачивался сумбурно и бестолково, но с Крыковым всегда так. Много пафоса, беготни, нелепых скачек и диких идей, но результат, как правило, вполне.

— Мне несколько непонятно, куда качать? Куда мессир Крыков ведет нашу плоскодонку?

— Хазин, не мельтеши, — посоветовал я. — Собирай материал. За тобой фото, за мной текст, все просто.

Мы сидели в машине на углу Типографской и Любимова под шелудивой акацией, в пестрой тени, в масляном запахе